

Яковлева Татьяна Борисовна, Жаглова Татьяна Михайловна

М. АВДЕЕВ О ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается своеобразие решения проблемы героя времени в литературно-критических очерках М. В. Авдеева. В результате проведенного анализа специфики образов автор очерков видит единственно верной попытку определить ценность героя - сквозь призму бытия; только время определит его жизнеспособность. М. В. Авдеев впервые попытался рассмотреть ценность героя в историко-функциональном аспекте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/65.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 212-215. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13. **Объем рекламы в средствах ее распространения в 2014 году** [Электронный ресурс]. URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id5354 (дата обращения: 05.03.2015).
14. **Основы творческой деятельности журналиста** [Электронный ресурс] // ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание; СПбИВЭСЭП, 2000. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/58.htm> (дата обращения: 04.03.2015).
15. **Свободная энциклопедия «Викисловарь»** [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/medium> (дата обращения: 04.03.2015).
16. **Словарь С. И. Ожегова: толковый словарь русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.com/words/35557.shtml> (дата обращения: 04.03.2015).

ADVERTISING AND JOURNALISTIC MEDIA TEXTS: COMMON AND SPECIFIC FEATURES

Yagodka Evgenii Nikolaevich
Peoples' Friendship University of Russia
Eugene_berrier@mail.ru

In the article the attempt to compare advertising and journalistic texts integrated into mass media and united by the notion "media text" is made. The author evaluates their significance and value both for the audience and for mass media themselves basing on the current economic situation in advertising and media markets. During the analysis the structural and functional peculiarities of various media texts are compared and this allows speaking about their similarity at the level of structure and differences in terms of ethics.

Key words and phrases: mass media; mass communication; journalism; advertising; media text; information message.

УДК 821.161.1-4Авдеев
Филологические науки

В статье рассматривается своеобразие решения проблемы героя времени в литературно-критических очерках М. В. Авдеева. В результате проведенного анализа специфики образов автор очерков видит единственно верной попытку определить ценность героя – сквозь призму бытия; только время определит его жизнеспособность. М. В. Авдеев впервые попытался рассмотреть ценность героя в историко-функциональном аспекте.

Ключевые слова и фразы: герой времени; тип героя; художественный образ сквозь_призму бытия; лишние люди; историко-функциональный аспект; «бытовое печоринство».

Яковлева Татьяна Борисовна, к. филол. н.
Жаплова Татьяна Михайловна, д. филол. н.
Оренбургский государственный университет
tb-yakovleva@yandex.ru; tmzhaplova@mail.ru

М. АВДЕЕВ О ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ЛИТЕРАТУРЕ[©]

В 1874 году в С.-Петербурге вышла книга Михаила Васильевича Авдеева «Наше общество (1820-1870) в Героях и Героинях русской литературы (за 50 лет)». В жанровом исполнении это были критические очерки, в которых автор, опираясь на классические образы русской литературы XIX века, попытался отразить картину изменений общественной жизни России. В письме критику Алексею Веселовскому Авдеев пишет: «Теперь я кончаю и могу предложить большую критическую статью "Герои и Героини русской литературы" (я не окрестил еще хорошенько). Я в ней перебираю героев, начиная с Чацкого, Онегина, Софьи, Татьяны и прочих всех представителей общественной мысли (Чичиков и подобные – не входят), и в мужской половине разбираю ход и развитие "гражданской" мысли в обществе, а в женской – взгляды и отношения этой половины к вопросам любви, брака и прочее» [6, с. 243].

Целью своей работы автор определил показать художественный образ сквозь_призму бытия. Уже очевидно, что образы героев художественной литературы порождает само ВРЕМЯ, оно же единственное способно оценить их глубину и живучесть. И. С. Тургенев высоко отозвался о работе М. Авдеева: «До какой степени эти этюды показались мне умны, тонки и дельны. <...> они, несомненно, мастерские; в них резюмируются главные черты русской жизни за последние 40-50 лет, спокойно и свободно» [8, с. 141].

Во вступлении М. Авдеев пишет: «Говорят, что мы живем чрезвычайно быстро. ...Поэтому полагаем, небезынтересно будет оглянуться назад и проверить, в чем и насколько мы ушли вперед от наших дедов, и по какой дороге мы свершаем шествие. Так как мы желаем проследить собственно видоизменения характера и те изгибы и наклоны, по которым течет развитие нашего общества, его общественная мысль, то лучшим и единственным источником в этом деле считаем те произведения литературы, в которых "отразился век И современный человек..."» [2, с. 1].

В русской критике и публицистике уже существовали богатые традиции и опыт использования произведений и персонажей художественной литературы для характеристики общественной жизни – от Беллинского

и Герцена до Писарева и Михайловского – в этом смысле трудно говорить об оригинальности Авдеева. Важно другое – в его очерках делается первая попытка систематизировать и оценить последовательное становление *героев* и *героинь* русской литературы, которые «отразили высшие» стремления «своего общества». Особенно важно, как нам видится, что Авдеев придерживался явно выраженных либеральных взглядов, и это, несомненно, накладывало отпечаток на его восприятие и трактовку литературных характеров.

Интерес М. Авдеева к этой теме не случаен – проблема ГЕРОЯ была одной из главных в русской литературе XIX века. Пушкин положил начало сложному и глубокому изучению типа «лишних людей» не только как литературного, но и как одного из достаточно заметных *общественных явлений*. Каждое новое десятилетие смещало акценты в ценностной трактовке сущности Героя. Но сам *факт* его существования оставался неизменным.

М. Авдеев отмечает, что если в образе Онегина запечатлены наиболее общие моменты общественного развития, начало процесса осознания личностью своей индивидуальности, то для героя Лермонтова были определены качественно новые задачи. Печорин пытается определить свое назначение в жизни, роль *судьбы*. Сложная и противоречивая сущность бытия требует от героя больших сил, но оказывается, что сила может быть бездушной, а дух – бессильным. В этом автор этюдов видит характерную болезнь века, *болезнь «лишних людей»*.

Авдеев размышляет и о том влиянии, которое оказывало «движение западной мысли» на русское общество, уже не позволяя ему оставаться неподвижным. В романе Лермонтова он и увидел как раз «такую пробившуюся мысль, такого человека, который снова критически отнесся к себе и окружающей его жизни» [Там же, с. 11]. Авдеев отказывает Печорину в каких-либо особенных качествах и способностях, обнаруживая в нем всего лишь *героя времени*. Возможно, теперь многие посмотрели бы на Печорина иначе... «Как посмеялась бы над таким героем нынешняя бедная девушка, едва зарабатывающая себе насущный хлеб стенографией или в переплетной. Но в то время Печорин был в самом деле *героем* своего времени. В нем много для нас смешного и жалкого, но разве не много смешного и жалкого просвечивает уже теперь для нас в недавних героях, побеждавших почти современных нам девушек?» [Там же, с. 12]. Размышляя о сущности образа Печорина, Авдеев опять вступает в полемику с Белинским и о сущности *рефлексии* вообще, и о ее роли в характере лермонтовского героя, называя ее «новой болезнью, заменившей хандру». Свое категорическое несогласие с критиком в этом вопросе Авдеев выражает в острой иронической форме. «Мало того, что она была, но послушайте, в какой она была чести, как отзывается о ней Белинский: “Это состояние сколько ужасно, столько же и необходимо. Это один из величайших моментов духа. Полнота жизни в чувстве, но чувство не есть еще последняя ступень духа, дальше которой он не может развиваться... Переход из непосредственности в разумное сознание необходимо совершается через рефлексию...” Мы позволим себе не согласиться с великим критиком и думаем, что сам он через несколько лет выразился бы иначе» [Там же, с. 14].

Очевидно, что Авдеев видит сходство Онегина и Печорина в том, что они оба «страдальцы неудовлетворимого и неосмысленного стремления». В то же время, по утверждению автора этюдов, если бы им предложили поменяться участью с каким-нибудь благодушным помещиком, который доволен своей жизнью, они бы лишь презрительно усмехнулись в ответ на это. «И в этой усмешке и презрении к пошлости, с которой толпа охотно мирилась, – вся их сила и значение» [Там же, с. 15]. Сам факт появления такого феномена в жизни притягивал внимание не только писателей, но и критиков литературы. Беспорно, интересна в этом вопросе позиция Н. Д. Добролюбова: «...отличные, благородные, но в сущности бездельные люди. (Автор статьи объединяет всех этих героев понятием “*б р а т и я*” (!)) Они с детства, неприметно и постоянно, напивались теми понятиями и стремлениями, для которых прежде лучшие люди должны были бороться, сомневаться... Но ведь нужно же принять во внимание и то, что общества живут не затем только, чтоб рассуждать и меняться идеями... Словом, нужны люди дела, а не отвлеченных, всегда немного эпикурейских рассуждений» [4]. Соколин, герой романа М. Авдеева «Подводный камень», говорит об этом так: «Да, я их весьма уважаю... и отдаю им полную справедливость. Но согласитесь, что они не могут выйти до сих пор из своих тонких воззрений и еще более тонких намеков – все остаются с высшими взглядами и теориями. Они слишком отвлеченно умны и изящны. А нам надо вещей более практических, и хоть и неизящных, но поближе к делу» [1, с. 107].

Ко времени появления очерков М. Авдеева сама проблема «лишнего человека» в литературе уже утрачивает новизну, но теперь, на наш взгляд, заслуживает внимания попытка писателя как-то иначе посмотреть и осмыслить причины этого явления. Ответ, как оказалось, далеко не однозначен. С одной стороны, стало уже традиционным обвинять в этом среду, которая не дает возможности личности проявить свои таланты и реализоваться. С другой – что не менее интересно – появлению «лишних людей» в жизни способствовала сама литература. Книжный герой воспринимался не только в качестве художественного образа, но становился и образом, и, одновременно, образцом для подражания, копирования, причем зачастую только внешних проявлений характера, и уже этот «вторичный результат» становился предметом изображения художников (А. Н. Островский «Бедная невеста», И. С. Тургенев «Бреттер», А. В. Станкевич «Ипохондрик» и ряд др.). Но теперь уже сами эти «отражения» явно не дотягивали до своего «прообраза». Им не хватало глубины, сложности. Новая жизнь требовала качественно нового ГЕРОЯ.

Авдеев считает, что самим «открытием лишних людей мы обязаны только исключительно Тургеневу» [2, с. 18]. Характеризуя Рудина, Авдеев называет его появление закономерным результатом погружения мысли в рефлексию, которое, в свою очередь, могло породить только «словоизвержение». Рудин – это и есть воплощение идеального ГЕРОЯ «общей мысли и сильного слова». «Да! Рудин – между героями литературы – общественный деятель. У нас же, наоборот, установилось мнение, что Рудин принадлежит всецело к надломленным и искалеченным натурам, которые способны все только говорить, охать и страдать, и если

были нам симпатичны, то как жертвы своего времени и своей Среды, а отнюдь не как действующие лица. По нашему мнению, такой взгляд решительно не выдерживает критики» [Там же, с. 19]. Судя по всему, Авдееву не хватает в ГЕРОЯХ действия, решительных поступков, способности влиять на жизнь общества.

«Рудин не был пустословом, но был положительным деятелем. <...> Виноват ли Рудин, если слово его возбуждало людей, которые не могли или не знали, как двигаться? <...> В Рудине, впервые после Чацкого, через долгий промежуток времени, высказывается в обществе стремление к политической деятельности... Он – необходимое звено между людьми бесплодной мысли и людьми дела. Это вполне человек сороковых годов» [Там же, с. 20-21].

В образе Инсарова Авдеев увидел уже «пропагандиста, человека дела», который должен был появиться после Рудина. Вот в этом Герое автор очерков нашел ту самую «деятельность», которой не хватало в других. Инсаров не только мечтает и говорит о свободной Родине, он «работает всеми от него зависящими средствами на освобождение Родины от турецкого ига» [Там же, с. 22]. Обращаясь к образу Базарова, Авдеев размышляет о самой природе *нового* – новых людей, новых идей, новых героев, их сущности и роли. Далее он резюмирует: «Мы не имеем намерения ни защищать, ни порицать новое явление: мы относимся к нему с полным беспристрастием, как к факту, и теперь, по прошествии десяти лет, когда и страсти, и само явление утратили всю свою едкость, – можем приступить к его рассмотрению с полным хладнокровием» [Там же, с. 25]. «Всякое новое движение, новая мысль, новый кризис выводят непременно новых людей, и новые люди – вовсе не новость <...> все они происходят от старых...» [Там же].

Поблему *нигилизма* Авдеев пытается рассмотреть и объяснить, тоже исходя из самого ВРЕМЕНИ. (В этом можно увидеть оригинальность позиции автора.) Ничего слепо не принимать на веру, ничего слепо не отрицать – это стало правилом новых людей, которые и сами появились в результате экономических и общественных изменений. Они впервые осознанно взглянули на самих себя, на жизнь, свое предназначение. Базаров и есть воплощение этого *нового*. В его отрицании Авдеев видит глубоко позитивное начало. «Базаровский нигилизм – вовсе не “отрицание ради отрицания”... Нет. Он отрицает только то, в чем не видит пользы, и не думает оставлять после ложи пустоту, а советует заместить ее, чем удобнее» [Там же, с. 27]. Только беспристрастный и объективный взгляд на Базарова, по мнению Авдеева, покажет, что «трудно найти в нем то пугало, которое видели одни, и еще труднее – тот пасквиль на молодежь, который видели другие» [Там же].

Самой значительной оценкой работы Авдеева служит отзыв о ней самого автора романа. В августе 1873 года, прочитав критические этюды, Тургенев пишет письмо Авдееву: «...мое удивление возбудил этюд базаровского типа: точно Вы мне в душу забрались – и все подметили, на все указали, что я думал тогда, что старался выразить. Все это так, все верно до последних мелочей – и автору, которому Вы воздали высшую похвалу, назвав его правдивым, остается только снять шапку и склониться перед пронизательностью критика, а приятель крепко жмет приятелю руку» [8, с. 141]. И все же, подчеркивая качества Базарова, которые, безусловно, возвышают его, Авдеев видит уже заданную *предопределенность* ГЕРОЕВ подобного типа.

Таким образом, автор литературно-критических очерков последовательно и настойчиво развивает свою мысль, что ценность ГЕРОЯ может определить только ВРЕМЯ. Эта ценность не остается неизменной и абсолютной. Каждый новый этап в развитии общества предъявляет свои требования, которым уже может перестать соответствовать константа ГЕРОЯ.

Авдеев считает естественным, что все оживающее вызывает нетерпимость общества, болезненную подозрительность. Это, в свою очередь, требует новых «чистейших образцов». Проблема, по мнению автора очерков, заключается в том, что появляются часто «не живые образы, выхваченные целиком из жизни, а именно образцы, – примерные люди» [2, с. 29]. Подобное явление Авдеев пытается объяснить тем, что люди нового типа еще недостаточно сложились в самой жизни, не стали полноправными деятелями общества, его «типажами». Автор размышляет над тем, что молодому поколению нет дела до «художественной жизненности образцов», оно «нуждается в указании, как жить, к чему стремиться, чему подражать». Те же «образцы», которые преподносит современная литература, явно далеки от ожидаемого идеала. Давая их общий портрет, Авдеев развенчивает их ложную возвышенность. «Рассмотрим же эти образцы, – пишет Авдеев. – В них, в этих образцовых “новых людях”, как называли они себя, поражает страшная самоуверенность, на которую ни их познания, ни опыт, по-видимому, не дают им права. Люди эти воображали, что ими открыт новый мир, доселе никому не ведомый, что они пролагают новый путь, по которому никто еще не ходил. Правила, которые проповедают они, безусловно, честны и разумны, но эта проповедь делается и объясняется с такими подробностями, как будто до тех пор не было ни честных людей, ни разумных поступков. Новые люди весьма строги к себе, они регламентируют жизнь с аккуратностью и научностью, достойною немецких филистеров,... общественные слабости им как бы не доступны и единственная их ахиллесова пята, единственный искус, ими не выдержанный – это сигара» [Там же]. Размышления Авдеева об искусственности «образцов», их оторванности от реальной действительности и в большей степени надуманности авторов, дают, как ему кажется, возможность объяснить, почему «самые образцы в своих измышленных действиях далеко расходились с проповедываемыми ими правилами».

Поставив перед собой цель соотносить ценность литературных героев с жизненными ценностями, Авдеев сохраняет этот принцип главным и в анализе характеров. Многомерность и сложность жизненных ситуаций не укладывается в проповедуемые героями правила. В качестве примера Авдеев рассматривает поведение Лопухова из романа Чернышевского. Подход автора очерков к хорошо известному несколько необычен. Герой Чернышевского «бросает науку, которой занимался, и деятельность, к которой готовился, а в другой раз тот же Лопухов жертвует своим делом, чтобы дать своей жене возможность выйти замуж за любимого человека». Критик

даже проводит параллель между поступками Лопухова и «действиями каких-нибудь князя Гремича и графа Звездича Марлинского, которые готовы были весь свет перевернуть для любимой женщины» [Там же, с. 30]. Но героев Марлинского, как считает Авдеев, «оправдывает безумная любовь, которая была их специальностью, да и для общества не было бы большой потери, если бы они действительно сломали для какой-нибудь женщины свою шею» [Там же]. Таким образом, не остается сомнения, что *Авдеев оценивает героя по его общественной значимости*. Именно поэтому он считает поведение Лопухова «крайне неразумным», так как, жертвуя собой ради одной девушки, он тем самым «лишает своей деятельности все общество».

Авдеев не скрывает иронии, когда говорит о Рахметове как о «каком-то необычайном человеке». Его отзыв о достаточности знакомства «с пятью-шестью существенными сочинениями (которые и понять дельно нельзя без хорошей подготовки), чтобы не иметь нужды в других – успехи Лопухова, который без специальных знаний легко получает места и становится распорядителем огромного завода; его надежды и мечтания – все это внушает легкость отношения к науке, внушает полужнанию, или лучше сказать полуневежеству, ту самоуверенность, на которую, как мы сказали, оно не имело права. Действительно, жизнь, к несчастью, скоро и сурово доказала это» [Там же, с. 30].

Герой романа М. Авдеева «Тамарин», опубликованного в 1852 году, по замыслу автора, должен был окончательно развенчать магический и таинственный ореол, которым все еще наделяли образы «лишних людей», и особенно Печорина. Автор романа рассматривает эту проблему как уже переставшую быть только литературной. Из категории художественного образа она самым естественным образом переросла в *общественное явление*, даже возник новый термин – «бытовое печоринство». М. Е. Салтыков-Щедрин отмечал: «...печоринство приняло совершенно своеобразные формы, оно утратило свой демонический характер» [7, с. 311]. М. Авдеев относится к тем авторам, которые продолжали *наблюдение* за уже известным героем в новых исторических условиях, т.е. это попытка рассмотреть характер в историко-функциональном аспекте.

Тамарин – фигура достаточно сложная, в нем окончательно *размыты границы книжного, литературного героя и жизненного* типа. У Авдеева – это Онегин и Печорин, но уже в совершенно иных жизненных обстоятельствах. Оставляя за героем, по-прежнему, место главного, автор низвергает его, показывает призрачность его былой славы сегодня... «Следя за новыми людьми по современным литературным источникам, мы замечаем, что по мере удаления от эпохи самоуверенность, надежды и круг деятельности новых людей все уменьшались, видно было, что борьба со старым порядком становилась для них все труднее и труднее – хотя они все еще держались, все давали вид, что поле сражения за ними. Но вдруг в половине десятилетия из самой среды новых людей мы слышим стон безвыходного отчаяния. Это стон, который может издать только человек, окончательно разочаровавшийся во всех верованиях и убеждениях и в отчаянии опустивший руки!» [2, с. 30].

Авдеев считает необходимым сделать оговорку, что «настоящие замечания вовсе не указывают на мнение наше о романе, из которого мы берем примеры. Оценка этого произведения, как и всех источников, которыми пользуемся, вовсе не входит в нашу задачу» [Там же]. Он сосредоточился только на особенностях отдельных характеров, причем их «*живость*» и «*живучесть*» рассматривается исключительно *сквозь призму бытия*, не принимая во внимание художественного своеобразия образов героев и их места и роли в решении конфликта.

Список литературы

1. **Авдеев М. В.** Поездка на кумыс: роман, рассказы, очерк. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987. 384 с.
2. **Авдеев М. В.** Статьи о литературе // Наше общество (1820-1870) в Героях и Героинях русской литературы (за 50 лет). СПб.: Типография Трубникова, Литейная, д. № 42, 1874. С. 1-136.
3. **Арексеева С. Т., Кондратьева Н. В.** К проблеме героя в удмуртской новеллистике 1920-1930-х годов (рассказ М. Кельдова «Бегентыло») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (44). Ч. 1. С. 16-20.
4. **Добролюбов Н. А.** Когда же придет настоящий день? [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269081648 (дата обращения: 02.02.2015).
5. **Отечественные записки:** учено-литературный журнал. СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1874. № 3. Отд. II. 410 с.
6. **Русская старина:** ежемесячное историческое издание. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1902. Т. 115. № 9. 501 с.
7. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Талантливые натуры. (Губ. очерки.) (1856 г.) // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20-ти т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 2. С. 277-315.
8. **Тургенев И. С.** Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1965. Т. 10. Письма 1872-1874. 504 с.

M. AVDEEV ON THE PROBLEM OF IMAGE OF HERO IN LITERATURE

Yakovleva Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology
Zhaplova Tat'yana Mikhailovna, Doctor in Philology
Orenburg State University
tb-yakovleva@yandex.ru; tmzhaplova@mail.ru

The article examines the peculiarities of addressing the problem of modern hero in literary and critical essays by M. V. Avdeev. Analyzing the specifics of images the author of the essays argues for the only reliable way to identify the value of hero – through the lenses of existence; only time will detect his/her viability. M. V. Avdeev for the first time aimed to examine the value of hero in historical and functional aspect.

Key words and phrases: modern hero; type of hero; artistic image through the lenses of existence; superfluous people; historical and functional aspect; “everyday pechorinism”.